

- ⁷ Достоевский Ф. Идиот // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 6. Л., 1989. С. 15. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- ⁸ Арбан Д. «Порог» у Достоевского // Достоевский : материалы и исследования / ред. Г. М. Фридендер ; гл. ред. В. Г. Базданов ; АН СССР, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). Т. 2. Л., 1976. С. 22.
- ⁹ Бузина Т. Достоевский : Динамика судьбы и свободы. М., 2011. С. 28.
- ¹⁰ См.: Топоров В. Судьба и случай.
- ¹¹ Лотман Ю. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 817.

УДК 821.161.1.09-22+929Чехов

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ В КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД»

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Предлагается взгляд на комедию Чехова как на полифоническое (в музыковедческом понимании термина) воссоединение мелодических голосов разных персонажей, с которыми отчётливо и зловеще диссонирует голос (самоощущение, поведение, брезгливо-насмешливое отношение к другим) молодого лакея Яши.

Ключевые слова: Чехов, комедия, «Вишнёвый сад», молодой лакей.

A Young Footman in A. P. Chekhov's Comedy «The Cherry Orchard»

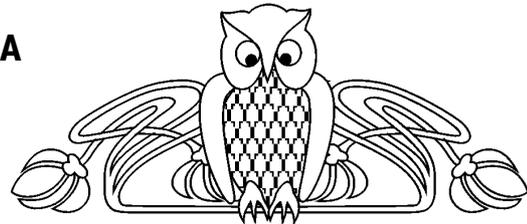
V. V. Prozorov

A viewpoint is presented that Chekhov's comedy may be considered as a polyphonic (in the musicological understanding of the term) reunion of melodic voices of different characters with whom the voice (self-awareness, behavior, squeamish and sneering attitude to other people) of the young footman Yasha is conspicuously and ominously discordant.

Key words: Chekhov, comedy, «The Cherry Orchard», young footman.

В странной комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» читателю представляется полифоническое (имею в виду не бахтинское, но собственно музыковедческое понятие) соединение едва заметно сменяющих друг друга, разных мелодических голосов, разных самостоятельных переживаний, субъектами которых являются персонажи с кругом своих привычных представлений о жизни, о привязанностях, о страдании и удовольствии.

Есть взгляд на мир Ермолая Лопухина, последовательный, простоватый, исполненный нежной любви к Раневской... С ним диссонирует отстранённый взгляд самой Любови Андреевны: вишнёвый сад – неприкосновенная часть её рассеянной жизни, её страсти, её души, одновременно принадлежащей парижскому другу-мучителю... Для Гаева это добрый, давний символ его сентиментально привычного, инфантильного обихода... Есть иступленно-хозяйственный, горестный взгляд потерянной Вари, хранительницы связки ключей от домашних служб... Есть прекарсно-

душный и многословно-обличительный взгляд Пети Трофимова, а потом и примкнувшей к нему, окрылённой его пафосными речами юной Ани... Есть взгляд дряхлого Фирса, по правде сказать, единственного неумолимого хранителя фамильных преданий. На нём в самом деле держится весь господский мир (он прав, говоря о себе: «Один на весь дом»¹).

Нет только авторитетом драматурга заданного и удостоверенного взгляда на главное действие-событие, связанное с судьбой громадного (в масштабах бескрайней России) Вишнёвого сада. Читатель испытывается разными голосами персонажей, разными точками зрения на происходящее.

И среди грустных, несурзных, по-детски наивных, невыразимо волнующих и безысходных взглядов – один совершенно безразличный к совершающимся на сцене событиям, да к тому же ещё и исполненный брезгливой насмешки. Это взгляд на происходящее «молодого лакея» Яши...

Фирс – тот просто «лакей» (в списке действующих лиц), «старик 87 лет». Яша – «молодой лакей». Ему ещё расти и расти. О Яше написано много. Обычные оценки – хам, циник, гад... Наперёд соглашаясь с подобными аттестациями, попробуем пристальнее взглянуть на этот тщательно воссозданный Чеховым феномен. Что позволяет Яше уверенно держаться на плаву жизни? Какую роль отводит ему автор в сюжете комедии? Отчего явно неполон без него мир чеховского «Вишнёвого сада»?

Яша тоже, как и Раневская, возвращается на родину. Его тоже, по-видимому, не было здесь лет пять. Он родом отсюда. Здесь ждёт его мать... Яша появляется на сцене с пледом и дорожной сумочкой. Оба предмета предназначены для его хозяйки, Любови Андреевны: «...идёт через сцену, деликатно». Он обучен обходительности и учтивости. Ему, по законам комедии положений, встречается горничная Дуняша. Она искательно заговаривает с ним: «Дуняша, Фёдора Козодоева дочь. Вы не помните!». И Яша торопливо «огляды-

вається и обнимает её»: «Гм... Огурчик!» Дуняша от внезапности «вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит» (202). Вот и вся первая с ним сцена. Длится считанные секунды и вносит в пьесу словно бы комедийное ожидание.

Второй и последний раз в этом же акте Яша появится уже на продолжительное время. Он придёт вместе с Варей и молча, почтительно будет находиться, как и положено ему, подле Раневской. При нём она порвёт сохранённые Варей телеграммы из Парижа. При нём разразится Гаев своим высокопарным монологом, обращённым к «дорогому, многоуважаемому шкафу». В нужный момент Яша подаст Любове Андреевне необходимые ей лекарства, которые весело перехватит у него и целой горстью выпьет Симеонов-Пищик. Реплика: «все смеются». Стало быть, со всеми и Яша. Общий смех расслабляет лакея, и он позволяет себе снисходительную реплику в адрес Фирса: «Преклонный возраст» (208). Уходя, Лопухин прощается со всеми и ему, Яше, так же как и Фирсу, подаёт руку.

И снова молча Яша участвует во всём происходящем: при нём за глаза Гаев именуется Лопухина «хамом» и тут же презрительно оговаривается: «это Варин женишок». При нём же Гаев и Раневская в умилении припоминают, чем были для них и остаются этот дом и сад. Потом внезапно объявляется Петя Трофимов, Раневская не скрывает своих впечатлений: Петя подурнел и постарел, Петя с этим соглашается... Все эти сцены домашних откровений разворачиваются **в присутствии** Яши. Он в меру своих представлений впитывает и переваривает все разговоры, признания, оценки...

Утомлённая долгой дорогой Раневская, простодушный Петя, настырный Пищик и верный Фирс уходят. На сцене – Гаев, Варя и Яша. Гаев с присущей ему непосредственностью брезгливо роняет в адрес Яши: «Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет». И в ответ на неожиданную обиду Яша «с усмешкой» замечает: «А вы, Леонид Андреевич, всё такой же, как были» (211).

Варя спохватывается, обращаясь к Яше: «Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет повидаться...» Яша решительно отрезает: «Бог с ней совсем!» «Ах, бесстыдник!» – вырывается у Вари. Но Яша непреклонен: «Очень нужно. Могла бы и завтра прийти» (212). Яшин портрет прояснён. Никаких полутонов.

Но активное присутствие Яши в мире обитателей «Вишнёвого сада» продолжается. Во втором действии он расслаблен, нехотя наслаждается жизнью, подпевает Епиходову (кстати, автор в одной из редакций отказывает ему в музыкальном слухе), курит сигару, развлекается, ласкает и целует Дуняшу, снисходительно произносит претенциозно-нелепые сентенции: «...ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная» (217).

Приближаются господа, и он быстро отсылает от себя подальше восплававшую к нему

страстью Дуняшу и ненадолго остаётся на сцене с Раневской, Гаевым и Лопухиным. В отношении к своей хозяйке услужлив: подбирает рассыпанные ею монеты со всей приличествующей лакею предупредительностью... Раневская сокрушённо сетует на бесполовую жизнь, которую ведёт Гаев: «Зачем так много пить, Лёня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить?» «Я не исправим», – соглашается Гаев. И тут же раздражённо реагирует на неуместное в этом разговоре присутствие Яши: «Что такое, постоянно вертись перед глазами...» Яша в ответ уже дерзко смеётся: «Я не могу без смеха вашего голоса слышать». Раневская соглашается с братом: «Уходите, Яша, ступайте». Яша «едва удерживается от смеха» (218) и уходит... до третьего действия.

Кстати, давно замечено: Яша самый смешливый персонаж в мире «Вишнёвого сада». Яша больше всех смеётся и усмежается². В третьем, самом тревожном и смятенном действии Яша появится лишь затем, чтобы, «едва удерживаясь от смеха», сообщить, что нескладный «Епиходов биллиардный кий сломал!..» Спустя короткое время он опять войдёт в гостиную, чтоб поглазеть на господские танцы да невзначай, от скуки, нагрубить Фирсу: «Надоел ты, дед. *(Зевает.)* Хоть бы ты поскорее подох» (218).

Чуть было смешливость его не подводит. В тревожной ситуации, когда все ждут вестей с аукциона, за сценой, на кухне, объявляется какой-то человек и сообщает, что вишнёвый сад уже продан. Любовь Андреевна близка к обмороку: «Я сейчас умру. Подите, Яша, узнайте, кому продано». И презирующий своих нелепых господ (но и почтительно зависящий от них) Яша замечает в ответ, что сообщивший весть старик давно ушёл. И следует неожиданная реплика: «Смеётся». Раневская «с лёгкой досадой»: «Ну, чему вы смеётесь? Чему рады?». И Яша, вынужденный мотивировать свой неуместно прорвавшийся смех, в оправдание изрекает первое, что приходит на ум: «Очень уж Епиходов смешной. Пустой человек. Двадцать два несчастья» (236).

Смех Яши знаменателен. Это его непосредственная реакция на преуморительную жизнь господ. Он от души смеётся, глядя на их чудачества, на курьёзные обстоятельства: топлятся, танцуют, волнуются, ждут важных известий, а тут какой-то старик объявился, мимоходом что-то сказал, сильно их напугал и... исчез, не найти теперь! Не смешно разве? Кому как, а Яша смеётся: не жизнь, а потеха...

В третьем же действии наступает ответственный момент, от которого зависит завтрашний день Яши. Он прекрасно это понимает и предельно вежливо, искательно («Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры!») адресует Раневской заветную просьбу взять его обратно в Париж: «...здесь мне оставаться положительно невозможно». «Оглядываясь, вполголоса» он доверительно проясняет мотивы своего страстного

желания: «...страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут ещё Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова» (236–237). Раневскую уводит на вальс Симеонов-Пищик. Просьбу Яши она оставляет без ответа. Но свою госпожу он хорошо изучил, просьба услышана, и он «тихо напевает» популярный романс «Поймёшь ли ты души моей волнение...» Зевая, привычно реагирует на простодушный восторг Дуняши: «Невежество», и уходит со сцены. Дело сделано: про Париж он ей сказал. Ура!

Яша объявится к финалу третьего действия. Мы услышим его голос в неожиданной ситуации... Мы помним: бильярд в этом доме – стойкое увлечение Гаева. И когда в отсутствие Гаева конторщик Епихов принимает играть в эту хозяйскую игру и ломает кий, Варя возмущена: «Кто ему позволил на бильярде играть?», не его, мол, это привилегия!.. И вот, после аукциона, на котором вишнёвый сад продан, вслед за Лопахиным появляется в доме обескураженный Гаев. Он беспомощно плачет, не находит слов... И вдруг – самая зловещая в этой комедии ремарка: «Дверь в бильярдную открыта; слышен стук шаров и голос Яши: “Семь и восемнадцать!” У Гаева меняется выражение, он уже не плачет». И следует реплика огорошенного Леонида Андреевича: «Устал я ужасно. Дашь мне Фирс переодеться. (*Уходит к себе через залу, за ним Фирс.*)» (239)... Потерян дом, потерян сад, всё враз утрачено. Он страдает. А тут ещё удар! Да какой! До него доносится «стук шаров и голос Яши». Голос крайне неприятного ему лакея. И этот человек победительно занял его родную «бильярдную», самозабвенно увлечён его игрой, вошёл в азарт и даже не слышит его возвращения... Гаев убит... Яша – в полной силе.

В четвёртом действии два победителя: один, Лопалин, смущённый и даже раздавленный своей победой, другой – тихо ликующий Яша. Яша усердно служит Лопалину: он «держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским», комментирует происходящее (с прежними хозяевами вишнёвого сада прощаются мужики) и призывает Лопалина разделить с ним его презрительную оценку: «Простой народ прощаться пришёл. Я такого мнения, Ермолай Алексеич, народ добрый, но мало понимает» (242).

Лопалин убеждается в том, что Раневская и Гаев пренебрегают его просьбой выпить «по стаканчику на прощанье» и сокрушённо предлагает: «Выпей, Яша, хоть ты». Яша пьёт с удовольствием, но тут же позволяет себе заметить: «Это шампанское не настоящее, могу вас уверить». Уж кому-кому, а ему, искущённому парижанину, известен вкус настоящего шампанского! Лопалин оправдывается: «Восемь рублей бутылка», а потом, после паузы, переводит разговор на другую тему: «Холодно здесь чертовски». И следует забавная реакция Яши на это замечание и на всю

сложившуюся ситуацию. Яша объясняет: «Не топили сегодня, всё равно уезжаем». Ремарка: «Смеётся». Предлога для смеха вроде бы нет, и Лопалину, разумеется, смех этот кажется странным: «Что ты?» И вырывается чистосердечный ответ лакея: «От удовольствия» (243).

Обстоятельства складываются великолепно. Он скоро вновь отправляется в Париж. Работа привычная, несложная. Хозяйка вежливая, сговорчивая. Жизнь привычно сытая. Лакей – в полном удовольствии... Аня спросит у него, отправлен ли в больницу Фирс. Яшин ответ уклончив: «Я утром говорил. Отправили, надо думать». Аня с тем же вопросом обращается к Епихову, и Яша на это позволяет себе ворчливо и дерзко обидеться: «Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз!» Варя напомнит Яше про мать, которая на этот раз пришла проститься с ним. Яшино отношение к родительнице прежнее: «(*машет рукой*). Выводят только из терпения» (246).

Дуняша пробует завязать с ним прощальный разговор. Оставшись с Яшей наедине, «плачет и бросается ему на шею». На это Яша отвечает отстранённым от неё монологом: «Что ж плакать? (*Пьёт шампанское.*) Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели. Даже как-то не верится. Вив ла Франс!.. Здесь не по мне, не могу жить... ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество – будет с меня. (*Пьёт шампанское.*) Что ж плакать? Ведите себя прилично, тогда не будете плакать» (247). В этих словах нескрываемая радость от одной мысли о возвращении в «просвещённую» жизнь и – попутно – назидательный укор девушке, забывшей здесь с ним обо всех приличиях... Для Яши сон и явь, мечта и реальность удачно совмещаются.

«Существо чеховского конфликта» А. П. Скафтымов определял как «разрыв между желанным и реальным существованием человека»³. Это конфликтное напряжение охватывает судьбы всех персонажей комедии. Всех, кроме Яши. Весельчак, насмешник, жизнелюбец Яша, в отличие от остальных, на наших глазах в полной мере достигает желанного. Он уже счастлив до такой степени, что самому «даже как-то не верится».

Яша занят своими делами, «хлопочет около чемоданов», «тихо напевает», не обращает уже внимания на очередную надоедливую реплику в его адрес Гаева: «От кого это селёдкой пахнет!» Мгновенное замешательство возникнет, когда Лопалин обнаружит, что все стаканчики с шампанским пусты и скажет в его адрес: «Это называется вылакать...» (250). На короткое время уйдёт со сцены, побуждаемый Раневской, которая пробует оставить наедине Лопалина с Варей для объяснения. И в последний раз вернётся вместе с прочей прислугой, бросит «с презрением» привычную реплику свою «Невежество...» в адрес Епихова и вовсе скроется с наших глаз перед самым финалом. Скроется ликующий.

Яша презирает всех. Тяготится собственной матерью. Мотив отречения от матери в русской драматургии восходит к финалу «Недоросля» (Митрофан: «Да отвяжись, матушка, как навязалась...»). Автор не оставляет Яше ни малейших шансов на оправдание. Но Яша и не нуждается ни в чьих оправданиях. Он живёт себе по хорошо усвоенным правилам, по-лакейски насмехаясь над странными хозяевами. Откровенно презирает господина Гаева. С уважительным снисхождением относится к новому хозяину сада Лопехину. Его многие «лишние» в этой жизни откровенно удручают, и он старается, попользовавшись ими, от них избавиться. Мимоходом обрекает на погибель Фирса... Слезы, вздохи, отчаяние? Яша: «Ведите себя прилично, тогда не будете плакать». Сплав вероломного лицемерия и безграничной пошлости.

В комедии Яша смеётся, можно сказать, последним. Он ощущает своё превосходство над всеми. Он на вершине блаженства. Здесь отчётливо предчувствие смены важнейших исторических, а вместе социально-нравственных ценностных основ: уверенный в себе, не скрывающий брезгливости в отношении к другим молодой лакей берёт себе право возрасти-возвыситься над своими нескладными и потешными, как ему видится, хозяевами⁴.

Автор пьесы даёт предполагаемому читателю возможность ощутить драму России глазами раз-

ных персонажей, не исключая и Яшиного взгляда. Яшино возвышение неминуемо и безостановочно. Яша очень нужен Чехову-драматургу. Без него мир «Вишнёвого сада» не имеет различного будущего. А с ним у мира просматривается вполне конкретная, зловещая перспектива, сегодня уже ощущаемая нами как леденящая душу очевидная данность.

Примечания

- ¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1974–1983. Т. 13. С. 236. Далее цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ² См. об этом: Скафтымов А. О единстве формы и содержания в «Вишнёвом саду» А. П. Чехова // Скафтымов А. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 336–337 ; Доманский Ю. Чеховская ремака : некоторые наблюдения. М., 2014. С. 63.
- ³ Скафтымов А. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова // Скафтымов А. Поэтика художественного произведения. С. 377.
- ⁴ Прав А. М. Турков: «О многом задумывался Чехов в “Вишнёвом саду”, настолько о многом и так глубоко, что теперь в этой “грациозной, кружевной картине”, если вспомнить выражение Вл. И. Немировича-Данченко, для нас порой проступают черты важных исторических процессов» (Турков А. Чехов и его время. М., 2003. С. 441).

УДК 821.161.1.09-14+929Саводник+929

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИРИКА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ОЦЕНКЕ В. Ф. САВОДНИКА

А. С. Сергеев

Саратовский государственный университет
E-mail: lorandesai@yandex.ru

В статье представлена позиция В. Ф. Саводника – ведущего литературного критика «Русского вестника» в 1900–1901 гг. – по поводу развития современной ему отечественной лирики, обосновывается, почему воззрения критика были нестандартными для сотрудников журнала.

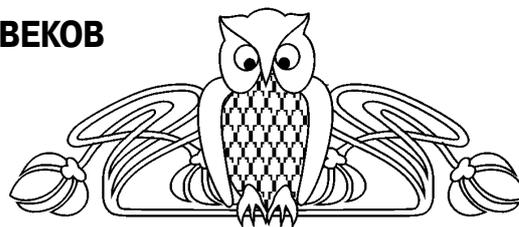
Ключевые слова: В. Ф. Саводник, «Русский вестник», литературная критика, поэзия, лирика, С. А. Андреевский, М. А. Лохвицкая, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин.

National Poetry of the Turn of XIX–XXth in the Evaluation by V. F. Savodnik

A. S. Sergeev

The article presents the point of view of V. F. Savodnik – a leading literary reviewer of *Russkiy vestnik* (Russian Bulletin) in 1900–1901s – on the issue of the development of contemporary national poetry; it is explained why the reviewer's opinions were unconventional for the members of the journal writers.

Key words: V. F. Savodnik, *Russkiy vestnik* (Russian Bulletin), literary criticism, poetry, lyrical poetry, S. A. Andreevsky, M. A. Lohvitskaya, K. D. Balmont, V. Ya. Bryusov, I. A. Bunin.

В начале XX в. журнал «Русский вестник» имел неоднозначную репутацию как среди читающей публики, так и среди писателей и коллег по цеху. С одной стороны, он оставался именитым изданием с многолетней историей и значительными достижениями, в частности, именно в «Русском вестнике» были опубликованы такие произведения, как «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Казачьи», «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «На ножах». С другой стороны, эти успехи остались в прошлом: еще при жизни первого и наиболее известного редактора журнала – М. Н. Каткова – репутация издания начала трансформироваться, и оно постепенно приобрело славу оплота реакционизма, где сильный и самостоятельный публицист не смог бы работать. Именно по этой причине, как считают исследователи, «“Русский вестник” не дал ни одной талантливой работы, сыгравшей сколько-нибудь значительную или хотя бы заметную